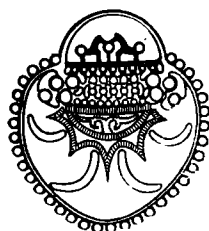

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1958

фрагменты черепной коробки, остальные части скелета истлели. По определению проф. А. И. Казанцева, костяк принадлежал подростку.

На груди подростка лежал диск из белого нефрита прекрасной отделки со сквозным отверстием посередине и с желобками с обеих сторон по окружности. Диаметр диска — 6,5 см, толщина — 1 см. (рис. 1, 2). Около ног находился небольшой скребочек из темно-серого кремнистого сланца длиной 4 см (рис. 1, 6).

Судя по обряду захоронения и по найденным при костяке предметам, погребение относится к энеолитическому времени. Бронзовое зеркало, найденное под каменной выкладкой, относится, видимо, к карасукскому времени.

На этой же террасе, примерно в 200 м к юго-западу от описанного выше погребения, мы обнаружили следы второго погребения, которое залегало в плотном слое темно-бурой супеси на глубине 0,50 м от поверхности. Костяк настолько истлел, что определить его ориентировку было затруднительно; сохранились только мелкие фрагменты черепной коробки и обломки трубчатых костей. В погребении найдены: костяная антропоморфная фигурка (рис. 1, 4), две ножевидные пластинки из серого кремнистого сланца, грушевидная подвеска из резца марала со следами окиси меди (рис. 1, 7) и обломок бронзовой восьмеркообразной бляшки (рис. 2). Такие бляшки обычно датируются карасукским временем.

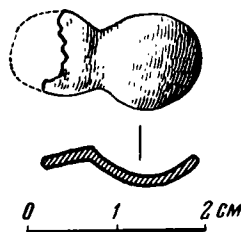

Рис. 2. Бронзовая бляшка

В 5 м от костяка найден стерженек-грузик для сетей из красно-бурого мелкозернистого песчаника (рис. 1, 5) и костяная фигурка, изображающая нерпу — байкальского тюленя (рис. 1, 3). Это — вторая находка фигурки нерпы в долине р. Ангары¹.

Высокая терраса в местности Идан являлась также местом для погребений и в эпоху неолита.

В 1948 г. И. В. Арембовский и П. П. Хороших обнаружили здесь неолитическое погребение китойского времени, которое находилось примерно в 80 м ниже раскопанного нами энеолитического погребения с каменной выкладкой. В 1950 г. М. Р. Полесских раскопал вблизи местности Идан детское неолитическое погребение, ориентированное на юго-восток.

На террасах левого берега р. Ангары, расположенных ниже с. Суховского, были исследованы неолитические стоянки, на которых найдено большое количество кремневых и нефритовых орудий, куски нефрита со следами распиловки, а также и пилы, которыми распиливали нефрит. Повидимому, некоторые предметы из зеленого саянского нефрита изготавливались здесь же на месте.

¹ Первая каменная фигурка нерпы была найдена в 1948 г. П. П. Хороших в погребении № 4 в неолитическом могильнике на стадионе «Локомотив» (г. Иркутск).

В. И. СПРИШЕВСКИЙ

РАСКОПКИ ЧУСТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ в 1956 г.

Чустское поселение эпохи бронзы (Наманганская область) было открыто в 1950 г.¹

За четыре сезона работ поселение прорезано раскопом шириной 12 м и длиной 116 м. Толщина культурного слоя достигает 3 м. Выявлены юж-

¹ В. И. С п р и ш е в с к и й. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3; его же. Чустское поселение эпохи бронзы. (Из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69, 1957; его же. Чустское поселение. КСИИМК, вып. 71, 1958

ная и северная границы поселения. Никаких остатков стен или вала не обнаружено. Это было поселение открытого типа, защищенное с северной, восточной и южной сторон оврагами и котловинами, а с западной — болотистой низменностью. Таким образом, к поселению был доступ только с северо-западной стороны, но здесь путь преграждало какое-то укрепление, остатки которого скрыты под высоким бугром.

В 1956 г. раскопки² в основном велись в северной части холма, на котором расположено поселение. Незначительная площадь была вскрыта на южном склоне, и небольшой раскоп был заложен на бугре в северо-западной части поселения.

Рис. 1

1 — зерна ячменя и пшеницы; 2 — веревка

На поселении выявлены следы жилых и хозяйственных сооружений. Расчищены 163 круглые и овальные в плане ямы, выкопанные в материке. Некоторые из них носят признаки жилья (полуземлянки), остальные же использовались для хозяйственных целей. В некоторых ямах на полу были найдены зерна различных злаков, сваленная в беспорядке битая посуда и зола. Но большинство ям оказалось совершенно пустым, и установить их назначение пока не удастся.

Жилые полуземлянки имели перекрытие из жердей и камыша, связанных растительными веревками, остатки которых были найдены в 1956 г. (рис. 1, 2).

Представляют интерес остатки наземных сооружений из глины, обнаруженные в 1955 и 1956 гг. Остатки толстых пахсовых стен (толщина 1,1 м) наземного сооружения были расчищены в 1956 г. под насыпью северо-западного холма (единственный доступ на поселение). Сохранилось узкое, прямоугольное в плане помещение (1,5 × 3 м). Второе помещение веерообразное в плане, шириной в узкой части 1 м и в широкой — 2,2 м при наибольшей длине 4 м; стены сохранились в высоту на 1,4 м. Пол помещений был выстлан камышом, как и во многих ямах; находок в помещениях было немного. В 1956 г. на полу одной из ям была обнаружена нижняя челюсть человека вместе с рогом козла.

Небезынтересно то, что среди отбросов пищи древнего человека — разбитых костей животных — встречено уже значительное количество также

² Раскопки проводились Музеем истории народов Узбекистана и Институтом истории и археологии АН УзССР.

разбитых и даже со следами надрезов костей человека. Такое явление дает возможность высказать предположение о существовании у древних чувствцев пережитков каннибализма.

На площади основного раскопа на разных глубинах, и в особенности на материке, обнаружено значительное количество зерен пшеницы, ячменя и просовидного растения как в крупных круглодонных сосудах, так и рассыпью на месте сгоревших скоплений (рис. 1, 1). Также на разных глубинах были найдены в большом количестве зернотерки и каменные серпы различной величины. Все это свидетельствует о том, что основным занятием населения было земледелие.

Рис. 2. Бронзовые предметы

1 — игла; 2 — стрела; 3—5 — ножи;
6 — серп

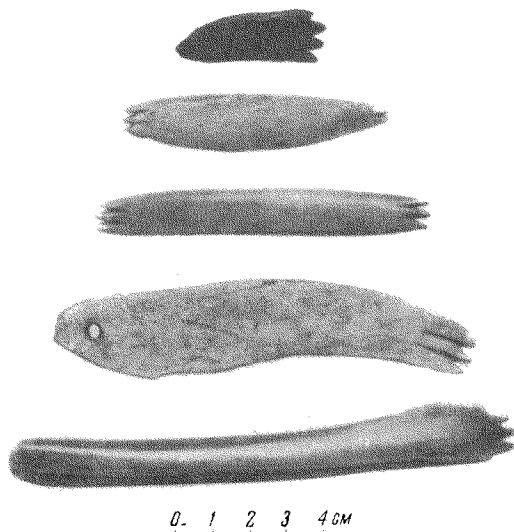

Рис. 3. Ткацкие костяные гребенки

Огромное количество различных находок, обнаруженных в культурном слое, позволяет определить несколько видов местного производства: литье металла, ткачество и лепку глиняной посуды. О литье металлических предметов свидетельствуют бронзовые шлаки, песчаниковые двухстворчатые литейные формы для копья и ножа (найденные в предшествующие годы) и для зеркала (находка 1956 г.; см. рис. 5, 4). Бронзовых предметов в 1956 г. собрано около 20 (рис. 2). Из целых бронзовых предметов представляют интерес массивный однолезвийный нож или серп без четко выраженной ручки (длиной 19 см; рис. 2, 6), два черешковых, с прямоугольным сечением, наконечника стрел (длиной 8,6 см; рис. 2, 2), бронзовая бусина цилиндрической формы и почти полностью сохранившаяся бронзовая игла с ушком (длина 8,5 см; рис. 2, 1). Последняя найдена в Узбекистане впервые.

Чустская бронза, как показали анализы³, является оловянистой.

О ткачестве, сильно развитом на поселении, говорят такие предметы, как костяные гребенки с небольшими зубцами для набивки шерстяных ниток (рис. 3), большое количество грузиков, изготовленных из обломков посуды и камня, а также отпечатки различных шерстяных тканей на стенках посуды.

³ Спектральный анализ произведен в 1957 г. в лаборатории ЛОИМК И. Березовской.

Наибольшее количество находок составляет керамика. Определяется свыше 35 различных типов посуды — плоскодонные, круглодонные, бокалообразные, кубкообразные (типа намазга-тепинской), чашки, миски, кружки и т. д., тянутые как из одного комка глины, так и лентами по спирали от доньшка, на шаблоне из шерстяного мешка. Здесь встречена грубая лепная посуда (рис. 4, 1, 2) и посуда, покрытая росписью. Роспись в основном черная по красноангобированному фону, однотипная, но различных вариаций и сочетаний геометрических рисунков, среди которых

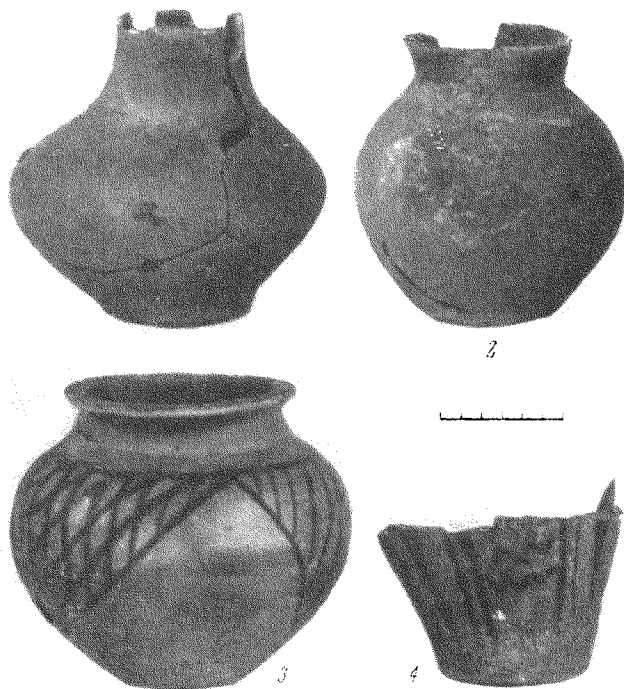

Рис. 4. Керамика

1, 2 — грубые лепные сосуды; 3, 4 — сосуды с росписью

преобладает сетка, чаще всего заключенная в треугольники, ромбы и пр. Впервые найден целый сосуд с шаровидным туловом, с плоским доньшком и отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 3). Поверхность его покрыта красным ангобом и черной росписью в виде треугольников, опускающихся от плечиков вершинами вниз, заполненных крупной сеткой. Сосуд изготовлен ленточным способом с последующей подлепкой хорошо профилированного венчика, сформованного на вращающейся основе. Находка подобного венчика не единична на поселении. Сосудов, изготовленных полностью на круге, на поселении не обнаружено.

К чустской посуде близки по типу росписи и формам сосуды, найденные на Дальверзинском селище Ю. А. Заднепровским⁴, а также кайрак-кумская находка Б. А. Литвинского⁵. На Чустском поселении есть кубкообразные сосуды, аналогичные намазга-тепинским⁶.

⁴ Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69, 1957, рис. 16.

⁵ Б. А. Литвинский любезно предоставил автору рисунок сосуда.

⁶ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, табл. VI, 1—5; XVII; XXX, 12; XXXI, 1; XXXII, 1, 4; XXXV, 7.

Населением широко использовались местные породы камня для изготовления серпов, зернотерок, пестов, молотов, литейных форм и украшений. Некоторые каменные изделия, например ручной молот (рис. 5, 1), шаровидное навершие булавы (рис. 5, 3) и каменные боченкообразные и цилиндрические бусы из лазурита и сердолика подвергались тщательной шлифовке, полированию, сверлению. Среди каменных изделий особо интересны серпы. Обнаруженная в 1956 г. половина шаровидного навершия булавы — вторая по счету подобная находка на поселении. В культурном слое собрано большое количество разбитых костей, по которым Н. К. Верещагиным были определены следующие виды животных.

Домашние животные: собака, лошадь, осел, свинья, мелкий рогатый скот, крупный рогатый скот.

Дикие животные: туркестанская крыса, кулан, кабан, сайгак, архар, джейран, олень.

Коровы, овцы, козы и ослы были сравнительно мелкими. В количественном отношении среди домашних животных преобладает мелкий рогатый скот, затем идет крупный рогатый скот и лошадь.

Обнаружены кости птиц — беркута и бородача-ягнятника. Судя по вышеизложенному, разведение домашних животных (часть которых использовалась, вероятно, как тягловая сила или для верховой езды) играло немаловажную роль в жизни древних ферганцев. Охота на диких зверей имела второстепенное значение.

Чустские находки — керамика расписная и без росписи, каменные навершия булав и ручной молот в форме небольшого песта, а также бронзовые пластинчатые ножи — имеют ближайшую аналогию с материалом, собранным Т. Г. Оболдуевой при земляных работах на строительстве Большого Ферганского канала на участках 8—9, 13⁷, и с материалом раскопок Ю. А. Заднепровского в Дальверзине, которые, несомненно, также относятся к эпохе бронзы.

Еще в первый год работы было высказано предположение, что Чустское поселение можно датировать второй половиной II тысячелетия до н. э. Эта датировка подтверждается и материалами из раскопок К. Х. Кушнareвой в Нагорном Карабахе⁸, где было обнаружено значительное количество аналогичных чустским каменным навершиям булав шаровидной и грушевидной формы.

Материалы, найденные на Большом Ферганском канале, Чустском и Дальверзинском поселениях, а также расписной сосуд, обнаруженный в Кайрак-Кумах, свидетельствуют о широком распространении культуры со своеобразной расписной посудой на территории Ферганы во II тысячелетии до н. э.

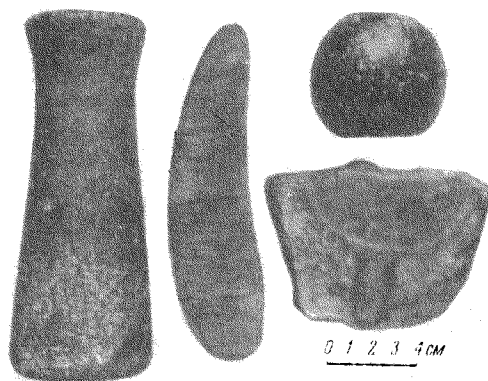

Рис. 5. Каменные предметы

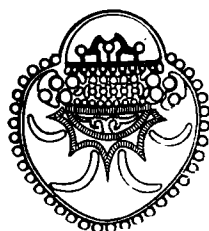
1 — ручной молот; 2 — серп; 3 — навершие булавы; 4 — форма для отливки зеркала

⁷ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе Первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, табл. VIII, 1, 5, 6; табл. X, 5, 6; табл. XI.

⁸ К. Х. Кушнareва. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, XX, 1954, рис. 1, 2; рис. 2, 9, 10.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1958

В. И. КОЗЕНКОВА

ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ ИЗ ХИЛЛЯ

Летом 1956 г. во время археологической рекогносцировки в Пахта-Абадском районе Андижанской области на территории колхоза им. Карла Маркса (кишлак Хилля) обнаружены развалины большого древнего поселения. Вся современная поверхность в этом месте представляет собой сглаженные в результате распашки холмы, усеянные фрагментами керамики и стекла IX—XII вв.

В обресе оврага у кишлака Хилля удалось проследить, что культурный слой имеет толщину от 3 до 5 м.

Развалины гончарного горна были обнаружены в западной стенке оврага на глубине 3,5 м. В целях выявления конструкции печи на краю

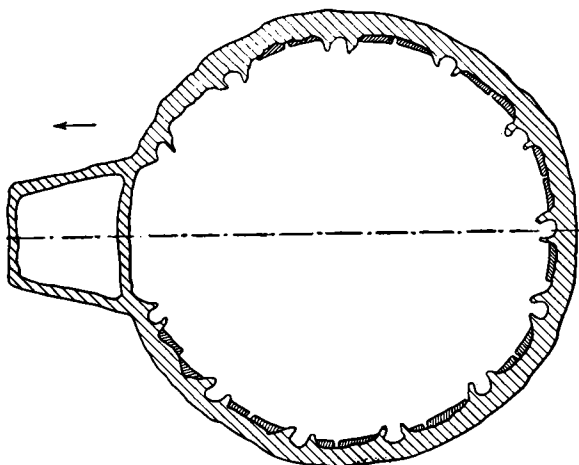

Рис. 1. План гончарной печи

оврага был заложен шурф площадью 3×3 м. Раскопки показали, что сохранилась лишь топочная камера печи. Топка была вырыта в лёссе. Стенки ее оказались местами покрытыми светло-зеленым шлаком. Толщина шлаковой массы колеблется от 5 до 7 см. При расчистке печи удалось проследить остатки пода обжигательной камеры — площадки, на которой расставлялась для обжига посуда. Под имел толщину 0,28—0,30 м. Установлено наличие 12 круглых жаропроводных отверстий, расположенных по краю пода. Диаметр отверстий — 0,12—0,14 м. Стенки отверстий покрыты глиняной обмазкой и в результате воздействия огня приобрели желтовато-зеленый налет, несколько отличающийся по цвету от шлака. Жаропроводные отверстия, проходя через толщу пода, расширяются книзу воронкой и несколько врезаются в стенки топки. Печь не имела опорного столба, на котором бы держался под. Форма топочной камеры бочкообразная, круглая в плане (рис. 1). Высота топки — 2 м, диаметр пода — 2,25 м, диаметр дна — 1,70 м. С южной стороны топочной камеры имелся небольшой топочный ход. В нем перед отверстием для загрузки топлива имелась трапецевидная ямка для золы глубиной 0,88 м. Размеры топочного хода: высота вместе с ямкой — 1,73 м, длина — 0,52 м, ширина — 0,45—0,65 м. Высота отверстия, ведущего в камеру — 1,13 м. На дне топки сохранились пережженные остатки веток, соломы и травы.

По конструкции наша печь относится к широко распространенному типу двухъярусных гончарных горнов, но в то же время она отличается от большинства известных нам памятников такого рода.

В Средней Азии аналогичные печи были открыты В. Л. Вяткиным на Афрасиабе в квартале гончаров с материалами VII—VIII вв.¹ Они также круглые в плане, двухъярусные, без опорного столба, с подом, сложенным из кирпича в клетку. В Южной Туркмении, в Мерве, обнаружено несколько гончарных горнов, напоминающих печь из Хилля. Такова двухъярусная, без опорного столба, со сложной системой жаропроводных отверстий печь из Уч-Тепе². Более отдаленно напоминает нашу печь горн из Гяур-Калы, относящийся по времени к первым векам нашей эры³.

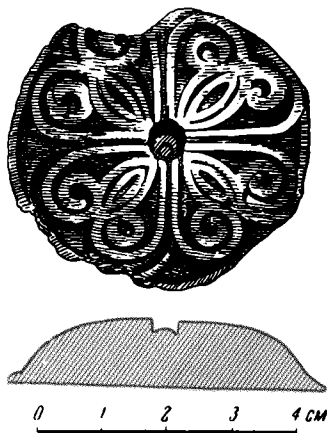

Рис. 2. Глиняная бляшка-налеп

Но наиболее близкие аналогии гончарному горну из Хилля мы находим в Хорезме. Здесь раскопаны многочисленные двухъярусные круглые печи, относящиеся к различному времени — от античности до средневековья (Канга-Кала, Шемаха-Кала)⁴. М. Г. Воробьева отмечает, что в Хорезме в кангуйский период имелись печи с перекрытиями между камерами в виде глиняного диска с продухами и без опорного столба⁵. Из хорезмийских печей необходимо еще отметить сходную по конструкции с нашей печь, раскопанную М. Г. Воробьевой у Уй-Калы⁶. М. Г. Воробьева датирует этот памятник первыми веками нашей эры. Печь из Уй-Калы круглая в плане, с двумя камерами, без опорного столба, с перекрытием между камерами в виде глиняного диска с жаропроводными отверстиями, с ямой перед топочным устьем. Однако здесь нет такого выделенного углубления для золы, которое характерно для печи из Хилля. Таким образом, сравнение с известными нам гончарными горнами из других районов Средней Азии позволяет отнести нашу печь к кругу печей, датирующихся от рубежа нашей эры до средневековья. Для более точной датировки печи рассмотрим в первую очередь условия находки.

Изучение материала из раскопок показывает нам картину постепенного разрушения печи. После того как обрушилась обжигательная камера, печь была заброшена, топка стала заполняться мусором. Печь располагалась в самом нижнем слое поселения, и материал, заполнявший топочную камеру, оказался разновременным. Здесь найдены обломки глазурованных чаш с белой или зеленоватой поливой и подглазурной росписью в виде буквенного орнамента и процарапанных завитков под глазурью, а также несколько донышек от блюд с коричневой вихревой розеткой, которые характерны для саманидо-караханидского времени. Аналогии им многочисленны на Афрасиабе и в Семиречье. Имелся и материал более раннего времени. Это — фрагменты грубой лепной керамики, аналогичной кассанской, которую А. Н. Бернштам относил к тюркскому времени⁷. Здесь же

¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент 1927, стр. 32.

² В. И. Сарияниди. О гончарных печах древней Маргианы. Доклад на Среднеазиатской секции археологического пленума ИИМК в 1956 г.

³ Его же. Керамические печи городищ древнего Мерва. Сборник студенческих работ САГУ, вып. V, Ташкент, 1953, стр. 55.

⁴ Н. В. Вактурская. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала. Тр. Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 190.

⁵ М. Г. Воробьева. Гончарные печи античного Хорезма. КСИЭ, т. XXVI, 1957, стр. 115.

⁶ М. Г. Воробьева. Опыт картографирования гончарных печей для атласа. Доклад на II среднеазиатском совещании археологов и этнографов в Сталинабаде в 1956 г.

⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 241.

найлены фрагменты хума с резным и штампованным орнаментом и несколько обломков стеклянной посуды. Небольшая небрежно сделанная стеклянная ручка с шишечкой очень напоминает ручки стеклянных сосудов доарабского времени из Афрасиаба⁸.

На глубине около 3 м от поверхности, там, где расчищены остатки перекрытия между камерами, найдена обожженная бляшка-налеп со штампованным орнаментом (рис. 2). Бляшка, видимо, является производственным браком, она отлепилась от сырого еще сосуда (с тыльной стороны хорошо видны следы пальцев гончара).

Растительный узор на бляшке, нанесенный штампом, напоминает орнамент на металлических бляшках и щитах пряжек тюрских поясов из раскопок С. В. Киселева на Алтае около Курая⁹.

В слоях VI—VIII вв. на Афрасиабе В. Л. Вяткин отметил находки фрагментов хумов со сходным орнаментом¹⁰. К тюркскому слою относится и хум с налепами, найденный А. И. Тереножкиным на Афрасиабе¹¹.

Помимо этого, в слое топочной камеры найдено свыше 30 обломков покоробленных стенок от бракованных сосудов, покрытых красным ангобом, среди которых — несколько черепков, покрытых по внешней поверхности красным и коричневым ангобом и лощением. Черепки довольно массивны и принадлежат сосудам, изготовленным на круге. Такая керамика, так называемая позднекушанская, была распространена в Средней Азии, в том числе и в Фергане, в III—V вв. н. э.¹².

В топочном ходе, у самого отверстия, внутри топки, найден целый бракованный покривившийся сосуд на узком поддоне с грушевидным туловом и прямым венчиком; ручка отбита (рис. 3). Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины на ножном гончарном круге и покрыт красным ангобом. Но по тесту, по общему облику и по качеству ангоба, покрывающего поверхность сосуда, его можно отнести к V—VI вв. н. э.

Для определения времени действия гончарного горна кружка имеет особо важное значение. Наиболее вероятной датой керамического горна из Хилля надо считать V—VII вв. н. э. Эта датировка определяет время и бракованных красноангобированных черепков, и декоративную бляшку-налеп.

Размеры печи свидетельствуют о том, что производство керамики было ремесленным. Сама гончарная мастерская располагалась, видимо, недалеко от печи.

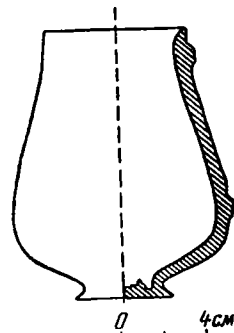

Рис. 3. Кружка, найденная в гончарной печи

⁸ В. Л. Вяткин. Ук. соч., стр. 61—63, рис. 73 и 74.

⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 537, табл. 50.

¹⁰ В. Л. Вяткин. Ук. соч., стр. 33, 34, табл. II.

¹¹ А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 137.

¹² А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 230; Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. Ин-та истории и археологии ФАН УзССР, т. VI, 1951, стр. 12; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. УзФАН, № 10, 1940, стр. 23, 24; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. Ин-та истории и археологии АН ТаджССР, т. XXXV, 1955, стр. 69.

ISSN 0038-5034

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

3

Г. П. ИВАНОВ

КУВСАЙСКИЙ МОГИЛЬНИК VII—VIII ВВ. В ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Осенью 1979 г. при строительстве селехранилища в 1 км к востоку от г. Куvasай был разрушен ранее неизвестный грунтовый могильник, ничем не обозначенный на поверхности. Благодаря тому что рабочие сообщили о находке древних вещей в Ферганский областной музей, на памятнике удалось собрать подъемный материал и зафиксировать три комплекса из неполностью разрушенных погребений. Вывоз грунта с места, где был расположен могильник, производился скреперами послойно сразу по всей площади. К моменту обследования практически повсеместно он был снят на уровень ниже древних захоронений. Только в трех случаях удалось расчистить частично потревоженные кости скелетов, лежавших на глубине 180 см от современной поверхности, судя по реперным отметкам строителей. Установить конструкцию погребального сооружения было уже невозможно. Из-за большой влажности грунта границу захоронения вокруг костяков также не удалось проследить. Судя по сохранившимся костям, во всех трех случаях погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой почти строго на запад. По рассказам рабочих, древние предметы собирали на площади примерно 70×100 м. Расчищенные костяки находились в юго-западной части этой территории. Погребение 1 самое западное, погребение 2 в 3 м к юго-востоку от него и погребение 3 в 7 м к юго-востоку от погребения 2. Однако не исключено, что между ними были еще захоронения. До нас не дошло ни одного керамического сосуда из могильника (найденные в разрушенных погребениях строители не сохранили, а в трех расчищенных погребениях керамики не было). Возможно, что сосуды, как наиболее крупные предметы, были выдернуты ножом скрепера и увезены вместе с грунтом. В погребениях остались только мелкие предметы. Больше всего их было в лучше сохранившемся первом погребении. Среди костей кисти левой руки, как бы зажатой в кулак, найдены две литые бронзовые монеты тюркского типа (рис. 1, 1). По внешнему виду они практически одинаковые, отличаются только размером. Диаметр одной из них 2,9 см, другой — 2,7 см. В центре монет квадратное отверстие 0,8×0,8 см. На лицевой стороне бортики, окаймляющие монеты по кругу и по периметру отверстия. Слева от отверстия согдийским письмом написан тюркский титул «хакан» [1, с. 267]. Справа тамга. Обратная сторона монет чистая. Серебряный перстень обнаружен в костях кисти правой руки (рис. 1, 3). Глазок перстня выполнен в виде чаши с прогнутым внутрь бортиком. Чашу с двух сторон держат в пасти фантастических животных, которыми завершается округлое в сечении кольцо. По внешней поверхности кольца местами просматривается рубец по стыку частей литейной формы. На грудных позвонках расчищены мелкие обломки бронзового дисковидного зеркала толщиной 1,5×2 мм и диаметром около 7 см. Справа на груди лежали остатки бронзовой коробочки в виде обломков двух ободов из листовой бронзы шириной 10 и 12 мм (рис. 1, 2). Судя по остаткам, коробочка была диаметром 3—4 см. Дно и крышка практически не сохранились, от них осталось только несколько

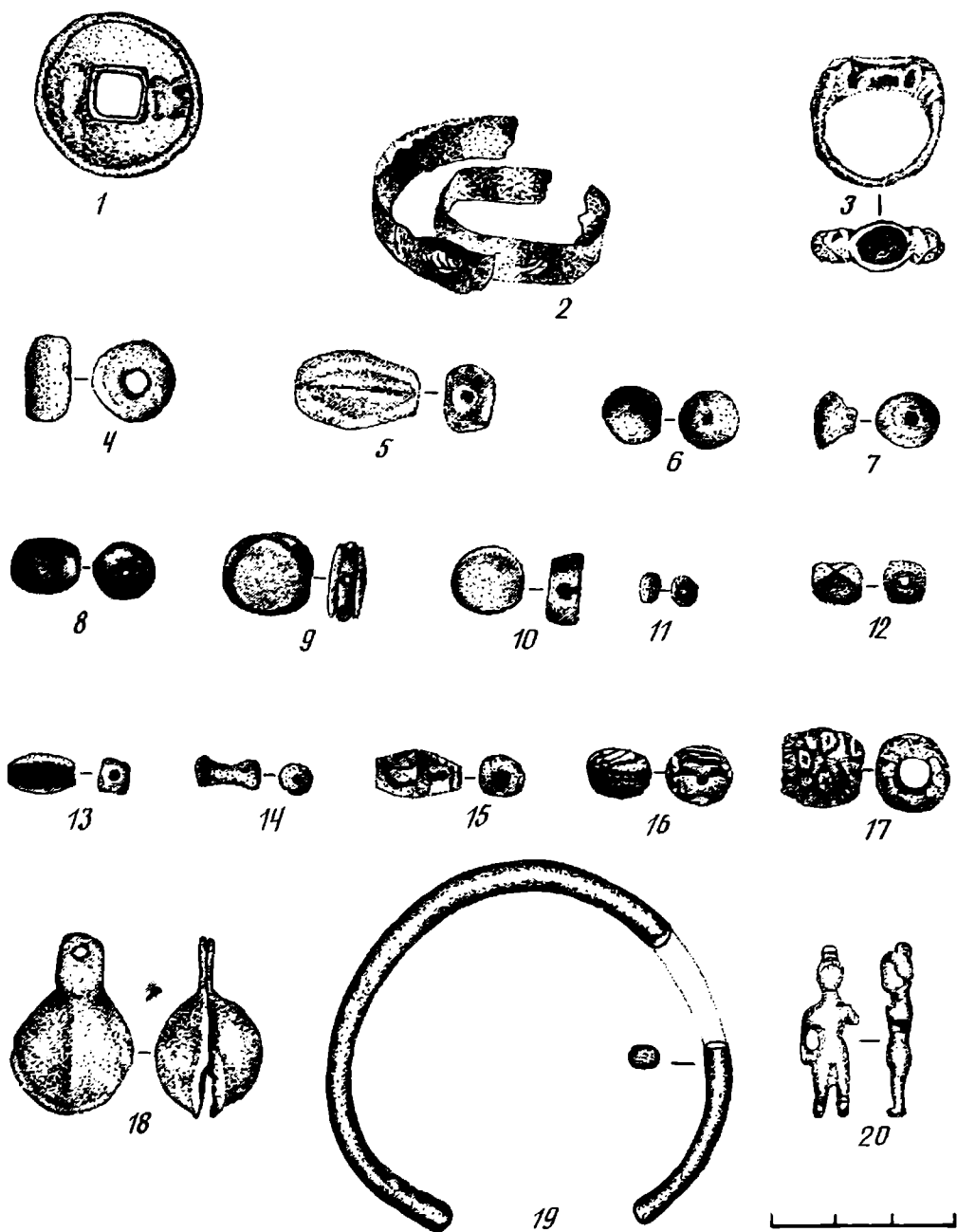

Рис. 1 Погребальный инвентарь из Кувсайского могильника

мелких сильно окисленных обломков. В обоих ободах бортиков были проделаны отверстия диаметром около 2 мм, в которых дошли до нас остатки круглой веревочки из хлопчатобумажных нитей. В погребении найдено более 150 различных бус из стекла, стеклянной пасты, керамики и камня. В основном это бусины шаровидной формы из стекла и пасты синего цвета, диаметром от 0,3 до 1,1 см (рис. 1, 8, 11). Такие же бусины, за исключением мелких, были из пасты желтого, зеленого и бирюзового цветов. Из пасты синего, желтого и зеленого цветов найдено несколько бусин в форме прямоугольной призмы со срезанными углами (рис. 1, 12). В. Б. Деопик относит подобные к типу «б» (14-гранные) третьего отдела первой группы [2, с. 218]. Размеры их 0,7—1,1 × (0,7—0,8) см. В наборе имеются также две монетообразные

бусины из стекла синего цвета (рис. 1, 10), диаметром 1,2 и толщиной 0,5 см, и бантообразная из стекла зеленого цвета (рис. 1, 14) длиной 1,1 см. К редким можно отнести бусину из прозрачного желтоватого стекла в виде плоского диска с приклеенными с двух сторон линзовидными пластинками из такого же стекла (рис. 1, 9). Диаметр бусины 1,5 см, толщина в собранном виде 0,7 см. Многоцветных бус в погребении найдено всего шесть. Одна мозаичная бочонковидная из стекла зеленого цвета и с вкраплениями красных точек на салатном фоне (рис. 1, 17). Диаметр бусины 1,5, длина 1,6 см, отверстие большое, диаметром 0,6 см. Пять полосатых бус выполнены с помощью разных технических приемов. Одна — шаровидная из куса многоцветного стержня (вариант «б») диаметром 0,9 см (рис. 1, 16); четыре из свернутых плоских листов с полосами разного цвета (вариант «г», по В. Б. Деопик) [2, с. 224], шаровидные и вытянутая (рис. 1, 15). Интересны две керамические бусины красно-коричневого цвета. Одна шаровидная диаметром 1 см, вторая повторяет в миниатюре пряслице грушевидных очертаний (рис. 1, 7) высотой 0,8 см.

Каменных бусин всего две. Одна крупная, в форме колесика (рис. 1, 4) диаметром 1,6 см и шириной 0,8 см — из белого ракушечника. Вторая хрустальная, в форме приплюснутого с двух сторон яйцевидного овала со сточенными ребрами (рис. 1, 5) длиной 2,3 см. В прозрачном теле бусины хорошо видно, что канал точился с двух сторон.

Кроме перечисленных предметов в погребении 1 были найдены обломки небольшого железного однолезвийного ножа и часть рукоятки железного ножа с прилипшим к ней сильно окисленным бронзовым колечком диаметром 1,6 см.

В погребении 2 удалось расчистить только остатки человеческого скелета и сильно корродированные обломки однолезвийного кинжала, длина лезвия около 22 см. В месте перехода к черенку прослеживалась обойма из полоски железа. Возможно, что это деталь отделки верхней части деревянных ножен, тлен от которых сохранился на обломках кинжала.

Погребение 3 было самым разрушенным. Здесь удалось расчистить только верхнюю часть скелета. Среди костей кисти левой руки найдены кусочки плохо сохранившейся бронзовой монеты с квадратным отверстием. Собрать ее из кусочков не удалось. В области грудных позвонков лежали полторы бусины из черного непрозрачного стекла вытянутой биконической формы. Длина целой бусины 3,1 см, наибольший диаметр 0,8 см.

Несомненный интерес представляют и предметы из разрушенных погребений. В основном это бусы, большинство из которых точно такие же, как в погребении 1. Кроме того, встречаются шаровидные бусины из сердолика, небольшие ребристые бусины из стеклянной пасты белого цвета и раковин каури с проделанными отверстиями для подвешивания. В разных местах найдены две каменные палочки для подкрашивания бровей. Одна крупная веретенообразной формы, длиной 9,5, диаметром 1,7 см; другая меньшая, длиной 4,3 см, с отверстием для подвешивания. По классификации Н. Г. Горбуновой, они соответствуют III и I типам [3, с. 179]. Из бронзовых вещей до нас дошли обломки двух браслетов с несомкнутыми расширяющимися концами (рис. 1, 19), литые половинки бубенчиков с прорезью (рис. 1, 18) и бронзовый амулет-подвеска в виде фигурки человека высотой 2,9 см (рис. 1, 20).

Наличие в первом погребении двух монет, зажатых в руке покойного, как бы предназначенных для оплаты и, следовательно, имевших хождение в период захоронения, облегчают его датировку. До нашей находки было известно 19 подобных монет [4, с. 53], причем большинство из них найдено во время раскопок Кувинского городища: одна в храмовом комплексе и 13 на территории жилого квартала около буддийских храмов VII в. [5, с. 48, 59]. О. И. Смирнова, определявшая кувинские монеты, считает, что они выпускались в VII—VIII вв. в самой Куве, и по типу тамги разделяет их на ранние и более поздние. По ее классификации [4], тамга на кувайских монетах скорее всего ранняя. С локализацией выпуска монет в Куве согласен В. А. Лифшиц, но он счи-

тает возможным датировать нашу находку началом VIII в.¹ Следовательно, можно считать, что захоронение погребения 1 было произведено не раньше этой даты. Остальной материал погребения имеет более широкие хронологические рамки. Различные стеклянные бусы широко распространены в разновременных памятниках, причем каждый из типов живет довольно долго. Но по набору различных типов бусы из погребения 1 близки к бусам из памятников VII—VIII вв., например Бит-Тепе в Чаганиане [6, с. 194, рис. 3, 5, 7]. На памятниках VIII—IX вв. Юго-Восточной Европы бантообразные бусы из полупрозрачного стекла, подобные нашим, являются датирующими [2, с. 217], там же мы находим аналогии и датировку не ранее рубежа VII—VIII вв. мозаичной бусине с желто-красно-зелеными глазками и желто-зелеными ресничками [7, с. 62].

Несмотря на то что дисковидные бронзовые зеркала сарматской культуры датируются не позднее II в. н. э., в Средней Азии, в том числе и в Фергане, они бытуют дольше [8, с. 39] и встречаются на раннесредневековых памятниках в слоях VII—VIII вв. городища Пенджикент [9, с. 171], среди вещей из могильника Бит-Тепе [6, рис. 1, 16, 4, 21] и др.

Бронзовые коробочки встречаются довольно редко. До нашей находки их было опубликовано всего три. Одна из могильника Обишир (Фергана) [10, с. 69], вторая из кургана 19 могильника Кургак (Чон-Алай) [11, с. 201, 202], третья из кургана 102 могильника Аламышык (Центральный Тянь-Шань) [11, с. 86]. Н. Г. Горбунова считает, что бронзовые туалетные коробочки появились в Фергане на последнем этапе кугайско-карабулакской культуры, т. е. не ранее IV в., основываясь на поздней датировке нашей находки и дате кургана 102 могильника Аламышык, в котором найдены бронзовая и железная пряжки IV—V вв. н. э. [8, с. 39; 12, с. 40]. Несколько иная точка зрения у Э. Кадырова. Он датирует коробочку, найденную в могильнике Обишир I—II вв. н. э., опираясь на датировку аналогичной коробочки из кургана 19 могильника Кургак. Но, на наш взгляд, столь ранняя дата, предложенная Кадыровым, недостаточно убедительна. Во-первых, А. Н. Бернштам с некоторой долей сомнения относит упомянутый курган к гуннскому времени [11, с. 202] только по типу погребального ~~оружия~~ и помещает рисунок коробочки из него в соответствующий раздел сводной таблицы (именно на таблицу ссылается Э. Кадыров). Во-вторых, в той же таблице в разделе «тюркский период (VI—VIII вв.)» помещена такая же, но лучше датированная коробочка из кургана 102 могильника Аламышык [11, сводная таблица]. Кроме того, судя по публикациям, основная часть вещей из могильника Обишир имеет близкие аналогии среди предметов, найденных на памятниках третьего этапа кугайско-карабулакской культуры, и должна датироваться не ранее IV в. [10, рис. на с. 70]. В связи с малочисленностью находок пока еще трудно говорить о точном времени появления бронзовых туалетных коробочек в Фергане. Находка в погребении 1 Куvasайского могильника доказывает, что они были в употреблении в VIII в. Даже если считать, что это наиболее поздняя дата их бытования, первые коробочки вряд ли появились в Фергане раньше, чем на позднем этапе кугайско-карабулакской культуры. Обращает на себя внимание отличие в размерах коробочек из могильника Аламышык, Обишир и Куvasайского могильника. Возможно, что на более поздних этапах они становятся меньше в диаметре.

Первое погребение скорее всего не является уникальным для Куvasайского могильника, поскольку инвентарь из других погребений и подъемный материал хронологически близки ему. Остатки монеты с квадратным отверстием, найденные в погребении 3, бусы, собранные по всей территории могильника, практически такие же, как в первом погребении. Браслеты с несомкнутыми, уплощенно расклепанными концами появляются в Средней Азии около рубежа

¹ Выражаю искреннюю признательность В. А. Лифшицу, любезно согласившемуся определить монеты из Куvasая, за предоставленную возможность опубликовать его точку зрения на их датировку.

нашей эры, но на памятниках V—VIII вв. еще встречаются браслеты с утолщающимися концами [13, с. 13], подобные нашим. Среди женских украшений древних ферганцев среднего этапа кугайско-карабулакской культуры довольно часто встречаются бубенчики с прорезью внизу [8, с. 33, рис. 6, 24]. Бубенчики, найденные в Куvasайском могильнике, резко отличаются тем, что они составлялись из двух литых половинок. Точно такие же найдены в слоях второй половины VII—VIII вв. городища Пенджикент [9, с. 171, рис. 35, 2]. Там же найдена близкая нашей бронзовая подвеска в виде фигурки человека [9, рис. 37]. В Фергане наиболее близкими по исполнению являются фигурки из могильника Кара-булак [14, с. 49, рис. 10].

В целом же, учитывая все приведенные выше аналогии, представляется возможным датировать Куvasайский могильник второй половиной VII — первой половиной VIII в. н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова О. И. К вопросу о языке легенд на тюркешских монетах // Тюркологические исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. Деопик В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. // СА. 1961. № 3.
3. Горбунова Н. Г. Древний Ферганский косметический прибор // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.
4. Смирнова О. И. О древнетюркских монетах Кувы (Фергана) (Предварительное сообщение) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). М., 1977. Ч. 1.
5. Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент: ФАН, 1972.
6. Ртвеладзе Э. В. Среневековый могильник Бит-Тепе в Чаганиане // СА. 1986. № 4.
7. Деопик В. Б. Классификация бус Северного Кавказа // СА. 1959. № 3.
8. Горбунова Н. Г. Кугайско-карабулакская культура Ферганы // СА. 1983. № 3.
9. Ставиский Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати Пенджикентского городища // Тр. Таджикской археологической экспедиции: МИА. 1964. № 124.
10. Кодиров Э. К хронологии могильника Оби-шир в Южной Фергане // ОНУ. 1974. № 1.
11. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26.
12. Горбунова Н. Г. Основные этапы развития культуры Древней Ферганы // Информ. бюл. Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. ЮНЕСКО. М., 1983. Вып. 5.
13. Литвинский Б. А. Украшения из могильника Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. М., 1973. Вып. III.
14. Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе: Наука, 1962.

Ферганский областной краеведческий музей

G. P. IVANOV

KUVASAY CEMETERY OF THE 7TH — 8TH CENTURIES IN FERGHANA REGION

Summary

In autumn of 1979 during building a dam to the east of Kuvasay (Ferghana region, Uzbek SSR) a flat cemetery was destroyed. It had not any signs on the surface of the soil. Some materials were collected by the builders and three burials were investigated by the author. The obtained materials suggest the 7th — 8th centuries A. D. as a date for the cemetery. In the first burial two coins were found (Fig. 1, 1), which were dated by V. A. Livshits to the beginning of the 8th century. This allows the author to date more precisely the period of existence of bronze toilet boxes, as the remains of such a box were discovered in this burial (Fig. 1, 2).